

КИБЕРПОЛЕ И ПОИСК МЕТОДОВ ВИРТУАЛЬНОЙ ЭТНОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

Светлана Юрьевна Белоруссова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
svetlana-90@yandex.ru

Аннотация: Исследование цифровой идентичности началось с распространением компьютеров, интернета, компьютерных игр и разного рода коммуникативных инструментов — чатов, мессенджеров и сетевых рассылок. К концу 1990-х гг. анализ сетевого взаимодействия становится отдельным феноменом исследовательского дискурса; одна из дискуссионных тем — разработка методологии проведения этнографического полевого исследования. Статья написана в русле этой темы и посвящена изучению и поиску методов киберэтнографии. Основываясь на собственном опыте полевой работы в виртуальном поле, автор приходит к выводу, что сегодня виртуальная среда дает широкие возможности для исследования — применения качественных и количественных методов, проведения опросов и составления баз данных. При этом работа в киберполе позволяет выявить ряд проблем: необходимость дополнять ее исследованием офлайн; наличие огромного массива данных, который требует упорядочивания и структурирования; быстрое устаревание материала; этические проблемы. «Цифровое» и «физическое» поля сегодня взаимодополняемы — соединение методов из репертуара киберэтнографии и традиционной этнографии дает возможность полноценного этнографического исследования с его спецификой, деталями и контекстами. Киберпространство становится вызовом и дает дополнительные возможности как сообществам, так и исследователям, и последним требуется время для принятия новых условий развития, адаптации методов и применения их к научному исследованию.

Ключевые слова: кряшены, нагайбаки, коренные малочисленные народы, виртуальная этничность, киберэтнография, интернет.

Для цитирования: Белоруссова С. Киберполе и поиск методов виртуальной этнографии (на примере исследования этнической идентичности) // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 209–232.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-209-232

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/belorussova.pdf>

THE CYBER FIELD AND THE SEARCH FOR METHODS OF VIRTUAL ETHNOGRAPHY (USING THE EXAMPLE OF ETHNIC IDENTITY RESEARCH)

Svetlana Belorussova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
svetlana-90@yandex.ru

Abstract: The study of digital identity began with the proliferation of computers, the Internet, computer games, and various communication tools such as chats, messengers, and online mailings. By the end of the 1990s, the analysis of network interaction became a separate phenomenon of research discourse. One of the topics of discussion was the development of a methodology for conducting ethnographic field research. This article is written in line with this discourse, it is devoted to the study and search for methods of cyberethnography. Based on her own experience of fieldwork in the virtual field, the author concludes that today's virtual environment offers broad opportunities for research — the application of qualitative and quantitative methods, conducting surveys, and compiling databases. At the same time, working in the cyber field reveals a number of problems: the need to supplement it with offline research; the presence of a huge amount of data that requires ordering and structuring; the rapid obsolescence of the material; ethical issues. The “digital” and “physical” fields are complementary today — combining methods from the repertoire of cyberethnography and traditional ethnography makes it possible to conduct a full-fledged ethnographic study with its specifics, details, and contexts. Cyberspace is becoming a challenge and offers additional opportunities for both communities and researchers, and the latter need time to accept new conditions for development, adapt methods and apply them to scientific research.

Keywords: Kryashens, Nagaibaks, indigenous peoples, virtual ethnicity, cyberethnography, Internet.

To cite: Belorussova S., ‘Kiberpole i poisk metodov virtualnoy etnografii (na primere issledovaniya etnicheskoy identichnosti)’ [The Cyber Field and the Search for Methods of Virtual Ethnography (Using the Example of Ethnic Identity Research)], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 209–232.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-209-232

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/belorussova.pdf>

Светлана Белоруссова

Киберполе и поиск методов виртуальной этнографии (на примере исследования этнической идентичности)

Исследование цифровой идентичности началось с распространением компьютеров, интернета, компьютерных игр и разного рода коммуникативных инструментов — чатов, мессенджеров и сетевых рассылок. К концу 1990-х гг. анализ сетевого взаимодействия становится отдельным феноменом исследовательского дискурса; одна из дискуссионных тем — разработка методологии проведения этнографического полевого исследования. Статья написана в русле этой темы и посвящена изучению и поиску методов киберэтнографии. Основываясь на собственном опыте полевой работы в виртуальном поле, автор приходит к выводу, что сегодня виртуальная среда дает широкие возможности для исследования — применения качественных и количественных методов, проведения опросов и составления баз данных. При этом работа в киберполе позволяет выявить ряд проблем: необходимость дополнять ее исследованием офлайн; наличие огромного массива данных, который требует упорядочивания и структурирования; быстрое устаревание материала; этические проблемы. «Цифровое» и «физическое» поля сегодня взаимодополняемы — соединение методов из репертуара киберэтнографии и традиционной этнографии дает возможность полноценного этнографического исследования с его спецификой, деталями и контекстами. Киберпространство становится вызовом и дает дополнительные возможности как сообществам, так и исследователям, и последним требуется время для принятия новых условий развития, адаптации методов и применения их к научному исследованию.

Ключевые слова: крашены, нагайбаки, коренные малочисленные народы, виртуальная этничность, киберэтнография, интернет.

Исследование цифровой идентичности началось в 1980-е гг. с распространением компьютеров, интернета, компьютерных игр и разного рода коммуникативных инструментов — чатов, мессенджеров и сетевых рассылок [Kiesler et al. 1984; Turkle 1984; Van Gelder 1991]. Поначалу работы ученых в большей степени были посвящены анализу потенциала сети — тому, насколько цифровая среда благотворно скажется на человечестве в настоящем и будущем. С 1990-х — начала 2000-х гг. анализ сетевого взаимодействия становится отдельным феноменом исследовательского дискурса, в том числе в работах Х. Рейнгольда, А. Баля, А. Акерманна, Н. Деринга, К. Мюллера [Rehngold 1994; Bahl 1997; Ackermann 2000; Döring 2000; Müller 2002]. Одной из ключевых тем стала разработка методологии киберэтнографии, в частности анализ ее перспектив и возможностей, а также пределов и ограничений. Такие исследования представлены в работах К. Хайн, Б. Нарди, Д. Миллера, Дж. Постилла, М. Айролди,

Светлана Юрьевна Белоруссова

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
svetlana-90@yandex.ru

Т. Боллсторфа, Ф. Мальбойса, Б. Зани и др. [Hine 2000; 2017; Nardi 2010; Miller et al. 2016; Postill 2017; Airoidi 2018; Boellstorf 2021; Malbois 2021; Zani 2021].

Предлагаемая статья написана в русле поиска методов виртуальной этнографии. Основные исследовательские вопросы, которые она ставит: каковы эпистемологические преимущества и одновременно пределы методов киберэтнографии? Какие аспекты этничности эффективно исследуются этими методами, а какие остаются за пределами рассмотрения? В ней я основываюсь на собственном опыте полевой работы в киберпространстве, которую веду с 2016 г. В последние годы наша проектная команда провела несколько исследований по теме виртуальной этничности и опубликовала десятки научных работ, в том числе монографию «Виртуальная этничность и киберэтнография» [Головнев и др. 2021]. На ранних стадиях разработки этой темы рефлексии методов и концептуальных оснований исследования уделялось мало внимания, но по мере накопления опыта потребность в анализе собственной «исследовательской кухни» возрастала. В статье я раскрою методы и подходы, с помощью которых собирается материал, а также поделюсь, с какими сложностями сталкиваюсь во время работы. В последнее время моя научная деятельность посвящена преимущественно изучению этнической идентичности коренных народов России. Здесь пойдет речь о случаях из моего опыта исследования групп нагайбаков и кряшен, изучением которых я занималась более 13 лет, в том числе через наблюдение за процессом цифровизации их этнической культуры.

Приемы взаимодействия

Изначально в своей исследовательской этнографической работе я не ставила задачу изучения идентичности в виртуальном формате — сеть скорее казалась удобной площадкой для получения информации от респондентов. При взаимодействии онлайн упрощались и ускорялись процессы работы, в том числе сбор и обработка материалов. Впоследствии цифровое исследование открыло для меня новые возможности изучения этнической идентичности, которые в рамках исключительно физического контакта (например, в экспедиционных поездках) были недоступны. Со временем я все чаще стала обращаться к методам цифрового исследования, пока полностью не перешла к изучению этничности в сети.

В киберэтнографическом исследовании я использую пять основных приемов:

- непосредственный контакт с пользователями;
- опосредованный контакт с пользователями;

- наблюдение за чатами, обсуждениями, содержимым групп и персональных страниц;
- проведение опросов;
- сбор количественных данных.

Непосредственный контакт с пользователями

Под этим подходом я понимаю любую коммуникацию в сети, инициатором (или активным участником) которой становится исследователь. Общение может происходить через личное взаимодействие, запрос в тематические группы и чаты, а также обращение к пользователям на личной странице исследователя. Раскрою этот прием на примере трех взаимодействий с группой нагайбаков.

1. *Март 2018*. В начале 2018 г. со мной связалась жительница Санкт-Петербурга Ольга¹ и сообщила, что у нее есть нагайбакские корни. Ее прадедом был генерал-лейтенант Оренбургского казачьего войска, генерал-губернатор Вильнюса Иван Георгиевич Исаев (1861–1917). Он был родом из пос. Остроленского Челябинского уезда Оренбургской губернии и, судя по всему, действительно был нагайбаком. Этой историей мне захотелось поделиться с нагайбаками, и на своих страницах в соцсетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» я опубликовала запись, сопроводив ее фотопортретами Ольги и ее деда:

Дорогие мои нагайбаки! Обращаюсь с просьбой. В Санкт-Петербурге я познакомилась с правнучкой Ивана Георгиевича Исаева — казака, генерала, военного губернатора Вильнюса. Он родился в 1861 году в Оренбургской губернии. Звание генерал-лейтенанта он получил уже в Первой мировой войне, затем долгое время служил в Туркестане, Севастополе и, наконец, в Вильнюсе, умер незадолго до начала революции в 1917 году. Петербургская правнучка Ольга знает от своей бабушки про него только то, что он «нагайбак», а где родился и какого рода — это неизвестно. И я прежде о нем никогда не слышала. Но все сходится: и фамилия, и статус, и даже черты лица). И ведь человека просто так нагайбаком не назовешь, правда? <...> Хотелось бы узнать, может, кому-то что-то известно о нем и о его роде? Думаю, это может быть интересно нам всем, потому что такой известный и славный персонаж может быть гордостью нагайбаков².

¹ В статье я указываю реальные имена людей, поскольку исследование идентичности имеет для них персональную значимость.

² Пост в соцсети «Одноклассники» от 26 марта 2018 г.: <<https://ok.ru/profile/120638682250/statuses/68012065726602>>.

Запись в сети была воспринята нагайбаками живо и побудила онлайн-дискуссию (в «Одноклассниках» появилось 65 комментариев, в «ВКонтакте» — 11). Пользователи реагировали на историю по-разному: кого-то она заинтересовала («Очень интересно! Пожалуйста, если узнаете, поделитесь. Мы тоже хотим знать»), другие в ней сомневались («Действительно очень интересно. Возможно, именно эти люди никогда и не проживали в Нагайбакском районе. И уехали давно»), третьи высказывали предположения («Дядя Костя Исаев рассказывал, что кто-то из родни был каким-то большим начальником и когда он приезжал, то привозил подарки»).

В ходе дискуссии комментаторы сообщали о вероятности своих родственных связей и даже «конкурировали» за кровное родство (у нагайбаков несколько родов Исаевых). В итоге через интернет-поиски выяснилась вероятная родственная связь генерала Исаева с жителем Остроленского Петром Исаевым. Местные нагайбаки оценили это: «Петр Иванович! Поздравляем с таким знатным родственником». Впрочем, новость о герое-предке оказалась значима для всех нагайбаков. Анна Ивекеева эмоционально высказалась:

Когда слышишь знакомые фамилии, как-то приятно в душе становится. Что бы ни говорили о нагайбаках, я люблю свой народ. И особенно приятно слышать о достояниях нашего народа. Очень много нагайбаков, которыми можно гордиться¹.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что моя запись оказалась не только запросом сведений об Иване Исаеве, но и спровоцировала поиск значимого родства среди нагайбаков, а интернет-связь при этом объединила усилия по этому поиску. Кроме того, это активизировало еще одно свойство нагайбакской идентичности — конкуренцию, в данном случае за знатного предка [Белоруссова 2018].

2. В сентябре 2019 г. я готовила к выпуску монографию про этническую идентичность нагайбаков. В рамках исследования у меня возник вопрос, как они понимают себя и свою этническую культуру посредством самовыражения — через пословицы, крылатые фразы и тексты народных песен. На своей странице в социальной сети «Одноклассники» я опубликовала следующую запись: «Дорогие нагайбаки, обращаюсь к Вам с важной просьбой. Можете ли Вы сказать пословицу (поговорку, просто фразу), которая отражает суть нагайбаков?» Проведение исследования через площадку «Одноклассников»

¹ Пост в соцсети «Одноклассники», комментарий от 29 марта 2018 г.: <<https://ok.ru/profile/120638682250/statuses/68012065726602>>.

обусловлено тем, что, во-первых, на тот момент это была самая популярная социальная сеть среди нагайбаков, а во-вторых, моя персональная страница в «Одноклассниках» стала в определенной степени платформой для контакта с ними. Подавляющая часть моих «друзей» там — нагайбаки, и на этой странице я делюсь преимущественно новостями по нагайбакской тематике.

После моего обращения нагайбаки в течение двух-трех недель написали около 40–50 комментариев, и этого было достаточно для выполнения задачи и завершения работы. В конце 2019 г. началась вторая волна комментариев — пользователи вновь делились пословицами и поговорками по этнической теме. Еще большей неожиданностью стало возобновление комментирования три с половиной года спустя — с января по сентябрь 2023 г. За это время пользователи оставили не менее ста ответов, и в совокупности у этой записи накопилось 174 комментария. Последний период был наиболее активным и плодотворным по предложению нагайбакских крылатых фраз и пословиц: опрос стал своего рода площадкой этнического диалога, где пользователи обсуждали особенности своей идентичности, искали односельчан, отправляли друг другу смайлы и реакции.

Подобное общение — годы спустя — стало возможным благодаря особенному инструментарию «Одноклассников», где комментарий пользователя отражается в новостях его друзей, несмотря на давность записи. Та публикация оказалась самой популярной на моей странице в «Одноклассниках», а взаимодействие не только дало ответ на исследовательский вопрос, но и позволило отследить рефлексию нагайбаков в отношении идентичности через обращение к культурной традиции своего народа. Таким образом, инструментарий «Одноклассников» стал дополнительной возможностью платформ социальных сетей для этнической самореализации, а также стимулировал отклик на этническую тему.

3. *Январь 2023.* Новым поводом обращения к нагайбакской теме стали результаты Всероссийской переписи населения 2021 г., в соответствии с которыми за период с 2010 по 2021 г. численность нагайбаков сократилась почти на треть — с 8148 (2010 г.) до 5719 (2021 г.). Я решила провести исследование по этому поводу и опубликовала на своих страницах в «ВКонтакте» и «Одноклассниках» следующую запись:

На прошлой неделе пришли результаты переписи 2021 г. по национальному составу населения России. По коренным малочисленным народам вроде все неплохо — численность снижается, но не сильно, а у кое-кого даже чуть подросла.

Но вот за нагайбаков искреннее беспокойство — численность сократилась на треть. Если по переписи 2002 г. их было 9600 человек, 2010 г. — 8148, то сейчас — 5719.

Если честно, не могу до конца объяснить столь резкое снижение. В связи с этим обращаюсь к вам, мои нагайбакские друзья. Как вы думаете, почему численность так упала? (Может быть, неудобство нынешней переписи, естественная смертность, ассимиляция или другие факторы.) Пишите ответы в комментариях или личным сообщением. Мне как исследователю нагайбаков и просто человеку, который испытывает к вашему сообществу самые теплые чувства, важно это знать. Давайте подумаем вместе¹.

В ответ на этот запрос нагайбаки и сочувствующие оставили 16 комментариев в сети «ВКонтакте» и 20 — в «Одноклассниках», три нагайбачки выразили свое мнение в личных сообщениях. Все полученные разъяснения можно условно распределить в два блока обстоятельств и факторов — формальные (внешние) и сущностные (внутренние). Во-первых, говорилось, что сокращение связано с обстоятельствами проведения самой переписи. По словам Василия Маметьева, «качество переписи хромает». Светлана Мамедалина предположила, что «перепись возможно была проведена не полностью». По оценке Михаила Миронова, «перепись была проведена некачественно. Переписчики не дошли до многих. Все данные были переписаны с госбумаг». Во-вторых, среди факторов сокращения численности нагайбаков пользователи называли «обрусение», «ассимиляцию» и отсутствие интереса к этничности со стороны молодежи. Н. Юскина, например, с пониманием отнеслась к тем нагайбакам, которые не обозначили себя в переписи таковыми, поскольку «указывать свою национальность — выбор и право каждого». При этом она сообщила о важности поддержания своей этнической идентичности, подчеркивая, что «помнить и знать свои корни, как показывает жизнь, хотят все разумные люди». В целом данные переписи не столько вызвали разочарование, сколько послужили поводом для размышления. Для некоторых опрос стал основанием вспомнить о детстве и юности, родителях и бабушках, обсудить насущные проблемы и варианты их решения.

Указанные в трех кейсах способы взаимодействия — примеры прямого обращения исследователя к пользователям и адресованы тем, кому интересны обозначенные темы. Эти запросы были опубликованы на собственной странице исследователя, а участники дискуссии, таким образом, оказывались своего рода

¹ Пост в соцсети «ВКонтакте» от 12 января 2023 г. <https://vk.com/wall3992144_3719>.

«гостями», пожелавшими высказаться. Подобный контакт дал возможность свободы самовыражения, что также способствовало наблюдению со стороны заинтересованных пользователей из числа коренных малочисленных народов. Во всех случаях для получения материала важным оказалось то, что со многими респондентами я была знакома персонально (через личные встречи или благодаря моим исследованиям), и это сформировало доверие, благодаря которому люди проще выходили на контакт.

Опосредованный контакт с пользователями

Здесь пойдет речь об опыте взаимодействия с пользователями, который был спровоцирован мною, хотя изначально такую исследовательскую задачу я не ставила. Восемь лет назад мне удалось побывать на нагайбакском обряде Аш биру в д. Попово Чебаркульского района Челябинской области и снять его на видео, а позже выложить в сеть. Поминальный обряд Аш биру ('давать суп', 'давать пищу', 'давать обед') — это обычай, который проводится в честь усопшего близкого родственника и сопровождается закланием (жертвоприношением) коровы и праздничной трапезой. Он считается наиболее почитаемым среди нагайбаков и закрыт для посторонних: как правило, в нем участвуют только родственники покойного [Белорусова 2019а: 205–217].

Обряд в д. Попово был необычным: его проводили не в честь конкретного усопшего, а на 9 мая 2015 г., 70-летие победы в Великой Отечественной войне. Обряд посвятили павшим воинам-нагайбакам, поскольку «они погибли, а Аш биру по ним до сих пор не был сделан». Несмотря на то что «праздничный» обряд на 9 мая отличался от традиционного, жители села прониклись идеей и внесли по 1000 рублей на его проведение. Организаторы старались по мере возможности соблюсти традиционный сценарий Аш биру. Кроме того, на обряд пригласили руководство Чебаркульского района и почетных гостей, а также оператора для видеосъемки. Таким образом, обряд из закрытого и внутреннего превратился в открытый и доступный посторонним.

Я также снимала обряд на видео и через несколько месяцев на своем YouTube-канале выложила ролик «Аш биру у нагайбаков»¹. Ролик оказался самым популярным из всех моих видеозаписей: за восемь лет его посмотрели 47 тысяч пользователей на YouTube и 22 тысячи — в «Одноклассниках». Судя по реакциям, ролик оказался востребован пользователями, увлеченными

¹ Svetlana Belorussova «Аш биру у нагайбаков», 27 марта 2016 г. <<https://www.youtube.com/watch?v=05IYmhALzs8>>.

вопросами этнической идентичности. Интерес к видео побудил меня провести отдельное исследование, которое я опубликовала в статье «Исчезают ли нагайбаки?» [Белоруссова 2023].

Под видео было оставлено 355 комментариев, в основном от татарских пользователей, а также от казахских и ногайских. Менее активно ролик обсуждался киргизами, башкирами, турками, узбеками, русскими и кряшенами. Некоторые казахи, татары, киргизы, узбеки и турки оставляли комментарии на родном языке. Значительное число комментариев выдавало национальность пользователя, его язык или религиозную принадлежность. Комментаторы писали: «Я казах, понял их язык без перевода»; «у киргизов тоже называется аш»; «никогда не слышал о ногайбаках. Я сам ногаец» и т.д. Для некоторых поговорить о нагайбакском обряде означало поведать о самом себе: многие воспринимали их идентичность через призму собственного этнического опыта.

Религиозный синкретизм обряда Аш биру вызвал у пользователей неоднозначные реакции:

Timur Tiylibaev: Вы ж мусульмане по языку, как так получилось, что креститесь?

Ханум Магомедова: Всё хорошо. Но что там делает икона, не могу понять¹.

В комментариях пользователи-мусульмане не упускали случая наставить нагайбаков на путь истинной веры — ислама: «Нагайбаки, завязывайте с православием. Вы тюрки и по обычаю, и по образу жизни»; «Примите Ислам... Не морочьте себе и людям голову... Неужели у вас нет старожил, чтоб поставить Вас на истинный путь?» Некоторые пользователи увидели в проведении Аш биру кощунство и искажение религии: «Они не мусульмане и не имеют право упоминать Аллаха, если они крестятся и в доме икону держат»; «Глупости! Раз молятся по-русски пусть и делают все по-русски!!!»; «Хватит. Вы — мусульмане». Пользователи называли нагайбаков «заблудшими», «кяфирями» (не признающими Аллаха), «манкуртами» (лишенными памяти), а некоторые и вовсе грозили возмездием: «Предатели предков, будущее ваше проклято».

Сами нагайбаки почти не участвовали в обсуждении, но были в роли активных наблюдателей. Кое-кто оставлял поддерживающие комментарии: «Привет чебаркульцам!» или «Я из Касселя Нагайбакского района», «у нас у нагайбаков Нагайбакского района тоже такие традиции есть». Некоторые вступали в дис-

¹ Svetlana Belorussova «Аш биру у нагайбаков», 27 марта 2016 г. <<https://www.youtube.com/watch?v=05IYmhALzs8>>.

куссию, отстаивая свою самобытность, например на комментарий пользователя Battal Ibraiev: «Жаль, народ нагайбакский растворился в русском этносе», Grigoriy Burguchyov возразил: «Никто не растворился. Живем обособленно. Живем по-своему». На предложение Махата Катабалиева, что «скоро они исчезнут, растворятся и станут Русскими», пользовательница Светик Семицветик отреагировала: «Никуда мы не исчезнем, мы бережно относимся к нашему малочисленному народу, мы бережем обычаи!» В целом нагайбаки предпочитали не обсуждать видео обряда. Несмотря на высокие показатели просмотров в социальной сети «Одноклассники» (основная аудитория там именно нагайбакская), за шесть лет его прокомментировали не более десяти раз. Вероятно, молчание и неучастие в обсуждении представителей сообщества также является своего рода ответом и позицией, отражающей современное состояние этнической группы.

Этот пример демонстрирует не прямое обращение исследователя к сообществу. Благодаря специфике проведенного обряда традиционно закрытое мероприятие оказалось открытым для сторонних пользователей. Его удалось выложить во внешний доступ, что вызвало интерес у определенного круга пользователей. Их комментарии, в свою очередь, помогли создать определенное «поле» — для общения, выявления позиций и в конечном итоге для научного исследования. Получается, что я оказалась создателем дискуссии, ее непосредственным наблюдателем, при этом мое авторство в создании этой площадки не было важно для пользователей.

Наблюдение за чатами, обсуждениями, содержимым групп и персональных страниц

Одним из базовых приемов исследования виртуальности было наблюдение за содержимым групп, персональных страниц, каналов, а также чатов и разного рода обсуждений. В данном случае я никак не вмешивалась в коммуникацию, а только следила за происходящим в сети. Наиболее полно этот прием я реализовала в ходе исследования цифровой идентичности этнической группы кряшен, когда работала над статьей «#Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа» [Белорусова 2019б]. Позиция кряшен как независимого сообщества воспринимается неоднозначно в Республике Татарстан: некоторые не считают их отдельной группой и называют крещеными татарами. Большая часть кряшен предпочитает именовать себя независимым сообществом, при этом представители группы не всегда прямо выражают свою позицию. В физическом пространстве дискуссии по поводу идентичности кряшен

не распространены, однако в сети эта тема открытая и обсуждаемая.

1. *Наблюдение за дискуссиями со стороны кряшен и внешних пользователей. У кряшен более пятидесяти групп «ВКонтакте», посвященных этнической идентичности. Их сообщества не просто «заповедные» места общения и демонстрации культуры, но и дискуссионные площадки. Периодически сторонние наблюдатели в обсуждениях высказываются по поводу этнической идентичности кряшен:*

Кряшены — это, по-вашему, нация??? По-моему, это что-то среднее между русскими и татарами. Как к вам относиться — непонятно... И порой обидно, что с тобой разговаривают на твоём родном языке, а взгляды совсем другие. И то, что вы соблюдаете обычаи и порядки, которые вам навязали силой. Отношение к вам как к людям, которые не имеют свободу выбора. Или когда-то не смогли решить на себя¹.

Подобные комментарии кряшены либо воспринимают стоически, либо выступают в защиту своей этничности. В ответ на одно из таких рассуждений о кряшенской идентичности Евгений Прокопьев написал: «Быть кряшеном — это круто, это все равно, что иметь самые крутые брендовые шмотки и тачки, но только в тысячи раз круче, мы пронесли <...> веру, культуру, которая у русских и других крупных народов не сохранилась». Некоторые кряшены говорят даже о позитивном эффекте подобных записей, поскольку они служат стимулом для обращения к себе и своей идентичности.

2. *Дискуссия внутри кряшенской группы.* Кряшены и сами дискутируют внутри своего сообщества. Так, после поджога кряшенских церквей в 2013 г. их мнения по поводу того, как реагировать на это событие, разделились: одни высказывались сдержанно, другие — более активно.

Собеседник 1: *Удивительно, что ООК (Общественная организация кряшен) по поводу поджогов храмов никоим образом не проявилась, словно не заметила «мелких происшествий».*

Собеседник 2: *А зачем говорить очевидные вещи? <...> Мы — общественная организация, а не религиозная, не политическая.*

Собеседник 3: *Это сигнал того, что кряшенский народ не довольствуется танцами и плясками <...>.*

Собеседник 4: *Интернетта кычкырып ятырга ботенесе оста [В интернете кричать все мастера], что мешаает всем собраться*

¹ Комментарий в закрытой группе «ВКонтакте».

и все вопросы обсудить?.. У каждого своя правда, но цель-то у нас одна. К этой цели надо идти вместе, если не будем вместе идти, то ничего не получится¹.

Дискуссия по этой теме проходила посредством не только виртуального общения пользователей друг с другом, но и одностороннего высказывания в интернет-среде. Кряшены, желавшие более широкой огласки истории с поджогами, регулярно делали перепост на «стене» официального сообщества кряшен (самой просматриваемой части группы) публикаций различных СМИ об этих событиях. Вскоре администрация группы заявила, что отныне подобные публикации будут перемещаться со «стены» в отдельную тему для обсуждения: «В последние недели стену группы заполнили ссылками на самые различные интернет-СМИ, где поднималась проблема кряшен. В связи с этим администрацией группы было решено создать новую тему “СМИ о кряшенах”». Оппозиционно настроенные кряшены увидели в переносе темы в «непопулярную» часть группы попытку уйти от проблемы. «Это сравнимо с преступлением, когда самые насущные вопросы на сегодняшний день, освещаемые разными СМИ, целенаправленно убираются с самого видного места группы», — отозвался пользователь. Впрочем, вскоре вторая группа кряшен создала свое виртуальное сообщество «ВКонтакте». Интересно, что названия двух полярных групп были в целом похожи и акцентировали внимание на «официальном статусе» каждой из них. Одна называлась «==> КРЯШЕНЫ - КЕРЭШЕННЭР <== Официальная группа», вторая — «+++ КРЯШЕНЫ= Официальное сообщество +++».

3. *Позиционирование.* Еще одним приемом стало наблюдение за профилями кряшенских пользователей, в которых они демонстрировали свою принадлежность к этнической группе. Например, в сети «ВКонтакте» в личных данных в строке «Мировоззрение» встречаются «кряшен», «кряшенка», «керэшен». У Артура Саляхиева в этой графе написано «кунелем белэн мин 100 % керэшен» [я кряшен всей душой на 100 %]. В Instagram* некоторые проявляют этническую принадлежность в именовании аккаунта или в описании «шапки» профиля: *керэшен кызы* (кряшенская девушка), *кряшен малай* (кряшенский парень), *Kryashen girl* (кряшенская девушка), *керэшен жегете* (кряшенский юноша), *hitryi_kryashen* и др. Часть кряшен демонстрируют свою принадлежность к сообществу через визуальные образы — аватары в национальных костюмах. Подобная акцентуация

¹ Комментарии в закрытой группе «ВКонтакте».

* Здесь и далее знаком астериска маркируются упоминания социальных сетей и мессенджеров, принадлежащих компании Meta, которая включена Минюстом РФ в реестр организаций, запрещенных на территории России.

подчеркивает, что для некоторых из них этническая идентичность становится основным персональным индикатором в веб-среде.

В целом виртуальное наблюдение как прием похоже на традиционный метод включенного наблюдения: исследователь так же следит за происходящим в сообществе, главным образом за диалогами и реакциями пользователей. Однако если в физическом поле он включен в события в момент, когда они происходят, то при онлайн-наблюдении возникает оторванность от событий. Этнограф оказывается анонимным наблюдателем, о существовании которого представители группы могут не узнать. Подобная «скрытность» чревата этическими проблемами при проведении исследования. Отличие от физического наблюдения и в том, что онлайн-исследователь может наблюдать прошедшие несколько лет назад события в режиме «здесь и сейчас», поскольку они зафиксированы в сети. В этом смысле киберполевое включенное наблюдение оказывается в определенном смысле наблюдением за прошлым (историческим) и таким образом дает иной опыт и результат, чем полевая работа в физическом пространстве.

Проведение опросов

В процессе работы наша исследовательская группа проводила онлайн-анкетирование, которое имело характер как массового опроса среди нескольких этнических групп (например, анкета «Коренные малочисленные народы и интернет», 2023), так и опроса, адресованного представителям конкретного сообщества («Анкета для бесермян», 2023). Некоторые анкеты были посвящены тематическим вопросам для одной этнической группы («Кряшены и хештеги», 2020).

Мы старались минимизировать число вопросов, делать их функциональными и по возможности несложными — комфортными для пользователей. Анкета состояла из вопросов двух типов: «закрытого» (с вариантами ответов) и «открытого» (с возможностью дать свой ответ). Открытые вопросы могут вызвать больше трудностей, чем закрытые, поэтому мы стремились соблюсти баланс тех и других. В конце анкеты мы часто задавали дискуссионный вопрос, например «Согласны ли вы с утверждением, что сегодня активность в сети отражает реальное существование этнической группы? Почему?» Нашей целью было получить размышления анкетиртуемых о роли интернета в жизни этнического сообщества. Количество ответов на анкеты варьировалось (от нескольких десятков до нескольких сотен) в зависимости от широты охвата, интереса пользователей и активности распространителей.

Распространение анкет включало несколько основных этапов: взаимодействие с модераторами выбранных интернет-сообществ, массовая рассылка подписчикам групп, привлечение личных знакомых — представителей исследуемых народов. Обычно пользователи с интересом относились к анкетированию и даже при таком, казалось бы, закрытом для обратной связи методе исследования эмоционально высказывались по поводу проведения анкетирования. Одними из первых выражали эмоции модераторы онлайн-сообществ — распространяя наши анкеты, часто благодарили: «День добрый! Опубликовала [анкету]. Спасибо за интерес!» Иногда мы сталкивались с отказами: «Добрый день, не публикуем такую информацию. Приносим свои извинения!» Некоторые относились к анкетированию творчески. Так, в онлайн-сообществе народа сето просьбу пройти наш опрос модераторы сопроводили своей фотографией с изображением представителей сето.

Помимо модераторов, отзывы об анкетировании оставляли и другие представители исследуемых сообществ. Многие благодарили или выражали поддержку: «Здравствуйте! Прошел опрос. Удачи вам!»; «ХОЧУ СКАЗАТЬ ЗА АНКЕТУ СПАСИБО». Были и противоположные реакции: «У меня нет на это времени»; «объясните, подробно и популярно, зачем это надо и кому?» Некоторые давали рекомендации по составлению анкеты: «Добрый день! В последнем вопросе лучше сделать выбор нескольких вариантов»; «“Малочисленного” в вашей фразе ничего не дает. Уберите слово “малочисленные” из этого речевого оборота».

Для распространения анкеты оказались важны личное знакомство и контакт с представителями этнической группы. Как правило, если я бывала в местах проживания сообщества, мои знакомые оттуда проявляли готовность пройти опрос. Например, когда я выложила анкету в закрытом чате кряшен, участников которого знала лично, то примерно за час получила не менее 50 заполненных анкет. Нагайбаки, этничностью которых я занималась в течение нескольких лет, также быстро реагировали на мои просьбы. Представители некоторых этнических групп отличаются высокой мотивацией в деле их изучения. Так, бесермяне зачастую выкладывали просьбы о прохождении анкетирования не только в бесермянских группах, но и на личных страницах. Иногда модераторы выставляли нам условия для публикации, в том числе коммерческие. В ответ на просьбу разместить анкету на стене группы «Ненцы» модераторы сообщили, что эта услуга платная: «Условия для размещения рекламы / сотрудничества: реклама сутки (24 часа) — 400 рублей, 2 суток — 800 рублей; 1 неделю — 2800 рублей, 1 месяц — 6500 руб.»

В связи с тем, что наши анкеты имели открытый характер и не содержали обязательных вопросов, мы могли отследить темы, которые вызывали наибольший или наименьший интерес у представителей исследуемых групп. Вопрос «Каких известных блогеров, представителей вашей культуры, вы можете назвать?» получил наименьшее число ответов. В частности, в анкете для коренных малочисленных народов России высказаться по этому поводу согласились 256 человек из 325 опрошенных, а у отвечавших возникли трудности с обозначением этноблогинга — некоторые называли активистов физического, а не виртуального пространства, писали названия телеканалов и даже учреждений культуры. Очевидно, что в наши дни феномен этнического блогинга находится на стадии формирования и адаптации. На вопрос «Пользуетесь ли вы хештегами для представления своей этнической культуры? Если да, то какими?» ответили 300 участников. Среди представителей коренных малочисленных народов хештеги ставят около четверти опрошенных — 24,5 % [Белоруссова, Хохолькова 2023: 173–174] (см. также: [Белоруссова 2022]). Некоторые указывали, что хештегами не пользуются, но считают это хорошей идеей для дополнения своих публикаций.

Таким образом, опросы, проводимые в сети, оказываются удобным и быстрым способом получения информации, однако, как правило, этот инструмент ограничен формальностью и конкретикой вопроса, а также лишен персонализации и глубины.

Сбор количественных данных

Этот инструмент мы стали использовать наиболее плотно в последние годы, в частности в рамках работы по гранту РНФ «Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты». Сбор количественных данных проводится преимущественно в группах в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook*, в аккаунтах Instagram*, Telegram и на YouTube-каналах. Для анализа и презентации представленных материалов мы обращаемся к специализированным программам для анализа big data, а также составляем собственный код для работы с базой данных. Для нас важно не только собрать, но и сопоставить количественные данные с материалами качественных исследований. На сегодняшний день наиболее полно обработаны материалы групп «ВКонтакте» по следующим тематическим направлениям:

1. В разделе «Общая информация» — динамика создания групп по годам, функциональность групп (активные и неактивные группы), классификация сообществ по принципу их существования (открытая / закрытая группы, мульти- / моноэтнический

контент) и по внутреннему содержанию исходя из тематического наполнения (например, группы, посвященные родословным, музеям, языку и т.д.).

2. В разделе «Пользователи» — состав групп по гендеру и возрасту как среди подписчиков, так и среди модераторов, количество уникальных подписчиков в каждой группе, география подписчиков, а также «групповые пересечения» (присутствие одних и тех же подписчиков в разных группах).

3. В разделе «Язык» — использование родного и неродного языка в комментариях, а также анализ часто используемых слов.

4. В разделе «Записи и комментарии» — публикации на стене сообщества, их тематическое и визуальное наполнение, количество уникальных материалов и новостей на стене сообщества, а также частота публикаций в каждой из групп. Кроме того, мы считаем количество комментариев, лайков и репостов в каждой из записей.

Анализ количественных и тематических данных мы планируем расширить, а также планируем исследовать разные социальные сети и представить большее количество этнических групп.

Приведу пример работы по анализу часто используемых слов в комментариях в группах води, нагайбаков и бесермян в сети «ВКонтакте». У представителей водских групп чаще встречаются слова «язык», «народ», «водский», «год», «деревня», «вось». У бесермян в основном используются «молодец», «день», «рождение», «здоровье», «спасибо», «поздравлять», «успех», «счастье». В группах нагайбаков в комментариях чаще пишут «спасибо», «молодец», «соболезнование», «здоровье», «день», «память», «небесный», «Париж». Исходя из этого, можно предположить, что комментарии води в большей степени направлены на обсуждение этнической идентичности. Использование слов «народ», «вось», «водский» показывает, что комментирующие как будто дистанцированы от этнического сообщества, однако ощущают с ним сопричастность и переживают за его судьбу. Слово «язык» оказалось в обсуждениях на первом месте неслучайно: тема сохранения родного языка для коренных малочисленных народов, как правило, одна из волнующих¹.

В группах бесермян часто используются слова с позитивной коннотацией, они написаны в контексте поздравлений, эмоциональных реакций на благоприятные новости и посты. В целом это отражает положительный настрой сообщества, которое мотивировано на реализацию этнических проектов и поддерж-

¹ См., например, карту: [Белорусова, Сюзюмов 2024: 113, рис. 9].

ку развития своей культуры. У нагайбаков комментарии также имеют позитивный характер, однако отдельно следует отметить слово «соблезнование», которое занимает третье место среди часто используемых. Существительное «соблезнование» употреблено 354 раза, глагол «соблезновать» — 212, что в совокупности дает самый используемый корень. Вероятно, в онлайн-сообществе нагайбаков реакция на смерть близких принята и допустима (что подтверждается исследованием их этнической культуры в физическом пространстве), в отличие от других онлайн-сообществ, где такие события остаются в поле сугубо приватной коммуникации.

Это предварительные выводы, которые требуют дальнейшей проверки. Однако очевидно, что анализ частотных слов, употребляемых представителями коренных народов, открывает новые исследовательские возможности, недоступные при сборе и исследовании исключительно качественных данных [Белорусова, Сюзюмов 2024].

Обратная связь

Для работы по проекту «Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты» наша команда подготовила анкету, чтобы узнать отношение этих сообществ к полевым онлайн- и офлайн-исследованиям и своему участию в них. В опросе приняло участие 93 человека (66,7 % — женщины, 33,3 % — мужчины), в основном представители шапсугов, нагайбаков, хантов, бесермян, тубаларов, кумандинцев и др.

В целом участники анкетирования оценили такие исследования положительно, в том числе в онлайн-формате: 83,3 % опрошенных видят деятельность этнографов полезной для своего народа, 6,4 % таковой ее не считают, 10,3 % не обозначили позиции. Отвечая на вопросы о своей культуре, большинство респондентов (93,6 %) чувствуют сопричастность своему народу.

Насколько представители коренных малочисленных народов ориентированы на прохождение опросов и интервью в онлайн-формате? На вопрос «В какой форме вам предпочтительнее отвечать на вопросы?» 46,7 % участников высказались за «онлайн», 45,6 % — «онлайн и в живом взаимодействии», 6,7 % готовы общаться только «вживую». Таким образом, пользователи из числа коренных малочисленных народов в основном настроены на цифровое взаимодействие. Однако учитывая, что анкетирование проходило в виртуальном формате, можно предположить, что в нем участвовали как раз те представители сообществ, которые его предпочитают.

Отвечая на вопрос «Есть ли у вас ожидания от прохождения опроса?», пользователи преимущественно писали о позитивных ожиданиях. Для некоторых, в частности для шапсугов, актуальными оказались получение льгот, соблюдение прав и интересов коренных малочисленных народов. По мнению одного из отвечавших, опросы могут способствовать «дополнительным льготам как малочисленному КОРЕННОМУ народу. Перестанут ущемлять интересы и права народа». Кто-то надеялся, что научные работы изменят образ народа в обыденном сознании: представительнице чукчей хотелось, чтобы о них «перестали шутить». Часто отвечавшие исходили из озабоченности сохранением своего языка, культуры и даже самой этнической группы, а также выражали надежду на улучшение жизни народа в целом.

Самым ценным в проведении исследований участники опроса называют перспективу сохранения памяти о народе и повышения его узнаваемости среди других. Пользовательнице хантыйке «хотелось бы, чтобы больше знали», представитель бесермян сообщил, что «опрос поможет знать о бесермянах в том числе». Большая узнаваемость так или иначе способствует решению и других задач. По мнению шапсуга, о них «станут чаще упоминать как о коренном малочисленном народе России, возможно шапсугам со временем станет проще воспользоваться правами коренных малочисленных народов». Представительница нагайбаков соединила в своем высказывании сразу несколько перспектив: «Улучшение жизни вряд ли ожидаем, но не исключаем. А вот то, что о нас не будут забывать, будут новые публикации о нас и элементарно помогут нам же сохранять нашу идентичность — это главное».

На завершающий вопрос «Что бы вы посоветовали исследователям, проводящим опросы?» единого мнения у респондентов не было. Пользователи выражали как общие пожелания «удачи», «успехов», «продолжать исследования», так и более конкретные: «изучать язык», «чтобы вопросы были интересными», «быть внимательнее», «точнее переводить». Некоторые рассчитывали на поддержку коренных народов: «принести пользу», «сделать все возможное для народа», «не оставить без внимания обращения и просьбы». Многие желали исследователям расширить общение с представителями этнических культур не только в виртуальном, но и в физическом пространстве. Участница хантыйка рекомендовала «пообщаться ближе с носителями самих народов, а не брать информацию с интернета», шапсуг предложил «самим познаться с нашим народом воочию», бесермянин — «не опросы проводить, а научные исследования и экспедиции!» Таким образом, для представителей этих народов оказывается значи-

мой непосредственная коммуникация с учеными в реальных условиях.

Размышления о киберполе

Современная виртуальная среда дает широкие возможности для исследования — применение качественных и количественных методов, проведение опросов и составление баз данных. Сетевой анализ упрощает работу, экономя силы, финансовые и временные ресурсы. Согласно анкетированию, многие представители коренных малочисленных народов предпочитают именно этот формат, даже без сочетания с реальным взаимодействием. Вместе с тем одним из частых пожеланий относительно исследований в сети стало, как ни парадоксально, наличие «живого» контакта — поездок и экспедиций, личного знакомства и общения. Таким образом, при активном включении киберсредств в этнографическое исследование респонденты призывают к изучению своей культуры скорее в реальности, чем в виртуальности. Впрочем, то же самое можно сказать и про ученых, которые осознают, что наблюдая только за виртуальной средой, трудно ощутить современные культурные ценности народа, его основные черты и особенности.

Работа в онлайн-формате имеет очевидные плюсы — широкий охват респондентов, а также относительно легкая доступность изучаемой среды. Исследования можно проводить с рабочего места или из дома и, таким образом, находиться в состоянии круглосуточного погружения и наблюдения. Тем не менее для меня работа в виртуальном поле выявила следующие проблемы.

1. Как показывает опыт, виртуальное исследование этнической идентичности не всегда обеспечивает реальное приобщение к этнографической среде. Некоторые сообщества по разным причинам не считают нужным открыто общаться в общедоступной сети. Например, исследование тубаларов продемонстрировало, что их коммуникация происходит преимущественно через закрытые группы WhatsApp*. Узнать об этом мне удалось только при личном контакте в местах непосредственного проживания этого народа. Личное знакомство с представителями нагайбаков давало мне возможность получить более детальную и обширную информацию. Таким образом, исследование офлайн позволяет узнать множество контекстов и нюансов виртуальности, которые в открытой сети могут не проявляться.

В свою очередь, работа онлайн в отсутствие контактов в реальном мире также дает исследовательские результаты. Будучи «чужим» для той или иной этнографической группы, можно увидеть объективный интерес и расположение к исследованию,

не обремененному личными контактами. Статус наблюдателя извне дает возможность зафиксировать объективную реальность сети с ее собственной жизнью и ритмами.

2. Виртуальность предоставляет огромный массив данных, который требует упорядочивания и структурирования. Я разделяю мнение, что этнограф является создателем событий, идентичностей и текстов, составляя ту картину, которая наиболее полно отражает его исследование [de Seta 2020]. Например, для анализа видео «Аш биру у нагайбаков» я выбрала те комментарии, которые наиболее точно отражают дискуссию между пользователями, а также участие в ней представителей самого народа — нагайбаков. При этом другие комментарии (их более 350) я не рассматривала в связи с тематическим ограничением исследования. Естественно, подобная «режиссура» возможна и в физическом поле, однако объем данных в сети настолько велик, что незначительная выборка делает уязвимым не только исследователя, но и само исследование.

3. Помимо сказанного в предыдущем пункте, важно и то, что сбор материала (особенно количественных данных) всегда дает временной срез. Так, количественный материал исследуемых нами групп «ВКонтакте» (число подписчиков, постов, частота используемых слов и др.) может меняться в течение не только нескольких дней, но и нескольких часов. Интернет демонстрирует скорость: появляются новые пользователи, платформы для коммуникации, меняются тренды и формы представления информации [Головнев 2020]. Таким образом, на момент создания базы данных, ее уже можно считать устаревшей или «исторической», поскольку она фиксирует развивающийся феномен в конкретной временной точке.

4. Необходимо учитывать этические особенности работы в виртуальном поле. Например, в течение нескольких лет я была участницей закрытого чата «#силакряшен» в сети «ВКонтакте», в котором молодые кряшены общались среди прочего на тему своей этнической культуры. При подготовке статьи «#Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа» я перечитывала сообщения в чате, но не использовала в работе комментарии из него. В основном я исходила из интуитивного ощущения, что данные закрытого диалога не могут распространяться во внешнюю среду. Тем не менее участие в переписке позволяло мне быть в курсе кряшенских событий и помогало улавливать настроение и тренды среди молодого поколения. Однако не до конца понятно, насколько этично оставаться в зоне виртуальной невидимости для информантов без прямого обращения к ним исследователя: при сборе количественных данных, при включенном наблюдении.

Исследование виртуальности последних лет как будто дало новое понимание взаимодействия в реальности. «Цифровое» и «физическое» поля сегодня взаимодополняемы — совмещение методов из репертуара киберэтнографии и традиционной этнографии дают возможность полноценного этнографического исследования с его спецификой, деталями и контекстами.

В заключение отмечу, что для представителей этнических сообществ, в частности коренных малочисленных народов, слово «онлайн» не обладает единым значением. Если для жителя Крайнего Севера выражение «войти в интернет» актуально из-за перебоев со связью, то для удмуртского бесермянина, привыкшего к хорошему интернет-трафику, реальность и виртуальность уже не имеют четких разграничений. Киберпространство становится вызовом и возможностью как для сообществ, так и для исследователей, и требуется время для принятия новых условий развития, адаптации методов и применения их к научному исследованию.

Благодарности

Я благодарна нашей исследовательской команде за помощь и участие в исследовании, особенно А.В. Головневу за методологическое руководство и идейное вдохновение, а также участникам проектов РНФ «Виртуальная этничность и киберэтнография: новация на фоне традиции» и «Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты» за помощь в проведении исследования и ценные советы при подготовке статьи.

Библиография

- Белоруссова С.Ю. Нагайбаки в кибер-пространстве // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 71–77. doi: 10.31250/2618-8619-2018-1-71-77.
- Белоруссова С.Ю. Нагайбаки: динамика этничности. СПб.: МАЭ РАН, 2019а. 424 с.
- Белоруссова С.Ю. #Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. 2019б. № 2. С. 41–63. doi: 10.17223/2312461X/24/3.
- Белоруссова С.Ю. Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 84–111. doi: 10.31250/2618-8600-2022-4(18)-84-111.
- Белоруссова С.Ю. Исчезают ли нагайбаки? // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 203–224. doi: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224.
- Белоруссова С.Ю., Сюзюмов А.А. Картография в киберэтнографии (на примере коренных малочисленных народов России) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 93–119. doi: 10.17223/2312461X/44/5.
- Белоруссова С.Ю., Хохолькова Н.Е. Виртуальность и глобальность (на примере коренных народов России и Африки) // Этнография. 2023. № 4 (22). С. 160–180. doi: 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180.

- Головнев А.В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 6–32. doi: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-6-32.
- Головнев А.В., Белорусова С.Ю., Куссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 280 с.
- Ackermann A. Das virtuelle Universum der Identität. Überlegungen zu einer Ethnologie des Cyberspace // Schomburg-Scherff S.M., Heintze B. (Hrsg.). Die offenen Grenzen der Ethnologie: Schlaglichter auf ein sich wandeln des Fach. Frankfurt am Main: Lembeck, 2000. S. 276–290.
- Airoldi M. Ethnography and the Digital Fields of Social Media // International Journal of Social Research Methodology. 2018. Vol. 21. No. 6. P. 661–673. doi: 10.1080/13645579.2018.1465622.
- Bahl A. Zwischen On- und Offline. Identität und Selbstdarstellung im Internet. München: KoPäd Verlag, 1997. 144 S.
- Boellstorff T. Rethinking Digital Anthropology // Geismar H., Knox H. (eds). Digital Anthropology. 2nd ed. London: Routledge, 2021. P. 44–62.
- de Seta G. Three Lies of Digital Ethnography // Journal of Digital Social Research. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 77–97. doi: 10.33621/jdsr.v2i1.24.
- Döring N. Identität + Internet = Virtuelle Identität? // Forum Medienethik. 2000. Nr. 2. S. 65–75.
- Hine C. Virtual Ethnography. London: Sage, 2000. VIII+179 p.
- Hine C. From Virtual Ethnography to the Embedded, Embodied, Everyday Internet // Hjorth L., Horst H., Galloway A., Bell G. (eds). The Routledge Companion to Digital Ethnography. New York: Routledge, 2017. P. 21–28.
- Kiesler S., Siegel J., McGuire T.W. Social Psychological Aspects of Computer-Mediated Communication // American Psychologist. 1984. Vol. 39. No. 10. P. 1123–1134. doi: 10.1037/0003-066X.39.10.1123.
- Malbois F. Doing Digital Ethnography. Some Reflections on What It Means to Study Society through the Internet // Bulletin de la Société suisse de sociologie. 2021. No. 159. P. 9–14.
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X. How the World Changed Social Media. London: UCL Press, 2016. XXIV+262 p.
- Müller C. Online Communities im Internet // Sozialwissenschaften und Berufspraxis. 2002. Bd. 25. Nr. 4. S. 353–364.
- Nardi B.A. My Life as a Night Elf Priest: An Anthropological Account of World of Warcraft. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2010. 236 p.
- Postill J. Remote Ethnography: Studying Culture from Afar // Hjorth L., Horst H., Galloway A., Bell G. (eds). The Routledge Companion to Digital Ethnography. New York: Routledge, 2017. P. 61–69.
- Rheingold H. Virtuelle Gemeinschaft: Soziale Beziehungen im Zeitalter des Computers. Bonn: Addison-Wesley, 1994. 392 S.
- Turkle S. The Second Self: Computers and the Human Spirit. New York: Simon and Schuster, 1984. 362 p.
- Van Gelder L. The Strange Case of the Electronic Lover // Dunlop C., Kling R. (eds). Computerization and Controversy: Value Conflicts and Social Choices. Boston, MA: Academic Press, 1991. P. 364–375.

Zani B. Shall WeChat? Switching between Online and Offline Ethnography // Bulletin of Sociological Methodology / Bulletin de Méthodologie Sociologique. 2021. Vol. 152. No. 1. P. 52–75. doi: 10.1177/07591063211040229.

The Cyber Field and the Search for Methods of Virtual Ethnography (Using the Example of Ethnic Identity Research)

Svetlana Belorussova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
svetlana-90@yandex.ru

The study of digital identity began with the proliferation of computers, the Internet, computer games, and various communication tools such as chats, messengers, and online mailings. By the end of the 1990s, the analysis of network interaction became a separate phenomenon of research discourse. One of the topics of discussion was the development of a methodology for conducting ethnographic field research. This article is written in line with this discourse, it is devoted to the study and search for methods of cyberethnography. Based on her own experience of fieldwork in the virtual field, the author concludes that today's virtual environment offers broad opportunities for research — the application of qualitative and quantitative methods, conducting surveys, and compiling databases. At the same time, working in the cyber field reveals a number of problems: the need to supplement it with offline research; the presence of a huge amount of data that requires ordering and structuring; the rapid obsolescence of the material; ethical issues. The “digital” and “physical” fields are complementary today — combining methods from the repertoire of cyberethnography and traditional ethnography makes it possible to conduct a full-fledged ethnographic study with its specifics, details, and contexts. Cyberspace is becoming a challenge and offers additional opportunities for both communities and researchers, and the latter need time to accept new conditions for development, adapt methods and apply them to scientific research.

Keywords: Kryashens, Nagaibaks, indigenous peoples, virtual ethnicity, cyberethnography, Internet.

Acknowledgements

I am grateful to our research team for their help and participation in the study, especially A. V. Golovnev for his methodological guidance and intellectual

inspiration, as well as the participants in the RSF projects “Virtual Ethnicity and Cyberethnography: Innovation Against the Backdrop of Tradition” and “Indigenous Minority Peoples: Virtual Ethnicity and Network Experiences” for their help in conducting the research and valuable advice in preparing the article.

References

- Ackermann A., ‘Das virtuelle Universum der Identität. Überlegungen zu einer Ethnologie des Cyberspace’, Schomburg-Scherff S. M., Heintze B. (Hrsg.), *Die offenen Grenzen der Ethnologie: Schlaglichter auf ein sich wandeln des Fach*. Frankfurt am Main: Lembeck, 2000, S. 276–290.
- Airoldi M., ‘Ethnography and the Digital Fields of Social Media’, *International Journal of Social Research Methodology*, 2018, vol. 21, no. 6, pp. 661–673. doi: 10.1080/13645579.2018.1465622.
- Bahl A., *Zwischen On- und Offline. Identität und Selbstdarstellung im Internet*. München: KoPäd Verlag, 1997, 144 S.
- Belorussova S. Yu., ‘Nagaybaki v kiber-prostranstve’ [Nagaibaks in Cyberspace], *Kunstkamera*, 2018, no. 1, pp. 71–77. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8619-2018-1-71-77.
- Belorussova S. Yu., *Nagaybaki: dinamika etnichnosti* [Nagaybaks: Dynamics of Ethnicity]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2019, 424 pp. (In Russian).
- Belorussova S. Yu., ‘#Silakryashen: virtualnaya zhizn nepriznannogo naroda’ [#Silakryashen: The Virtual Life of an Unrecognised People], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2019, no. 2, pp. 41–63. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/24/3.
- Belorussova S., ‘Korennye malochislennye narody: virtualnaya etnichnost i seteveye opyty’ [Indigenous Small-Numbered Peoples of Russia: Virtual Ethnicity and Network Experiences], *Etnografiya*, 2022, no. 4 (18), pp. 84–111. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8600-2022-4(18)-84-111.
- Belorussova S., ‘Ischezayut li nagaybaki?’ [Are Nagaibaks Disappearing?], *Etnografiya*, 2023, no. 1 (19), pp. 203–224. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224.
- Belorussova S., Khokholkova N., ‘Virtualnost i globalnost (na primere korennykh narodov Rossii i Afriki)’ [The Virtual and the Global: Indigenous Peoples of Russia and Africa in a Digital Environment], *Etnografiya*, 2023, no. 4 (22), pp. 160–180. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180.
- Belorussova S. Yu., Siuziumov A. A., ‘Kartografiya v kiberetnografii (na primere korennykh malochislennykh narodov Rossii)’ [Cartography in Cyberethnography (Using the Example of the Indigenous Peoples of Russia)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2024, no. 2, pp. 93–119. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/5.
- Boellstorff T., ‘Rethinking Digital Anthropology’, Geismar H., Knox H. (eds), *Digital Anthropology*, 2nd ed. London: Routledge, 2021, pp. 44–62.
- de Seta G., ‘Three Lies of Digital Ethnography’, *Journal of Digital Social Research*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 77–97. doi: 10.33621/jdsr.v2i1.24.

- Döring N., 'Identität + Internet = Virtuelle Identität?', *Forum Medienethik*, 2000, Nr. 2, S. 65–75.
- Golovnev A., 'Kiberskorost' [Cyberspeed], *Etnografiya*, 2020, no. 3 (9), pp. 6–32. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-6-32.
- Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S., *Virtualnaya etnichnost i kibernetografiya* [Virtual Ethnicity and Cyber Ethnography]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2021, 280 pp. (In Russian).
- Hine C., *Virtual Ethnography*. London: Sage, 2000, VIII+179 pp.
- Hine C., 'From Virtual Ethnography to the Embedded, Embodied, Everyday Internet', Hjorth L., Horst H., Galloway A., Bell G. (eds), *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York: Routledge, 2017, pp. 21–28.
- Kiesler S., Siegel J., McGuire T. W., 'Social Psychological Aspects of Computer-Mediated Communication', *American Psychologist*, 1984, vol. 39, no. 10, pp. 1123–1134. doi: 10.1037/0003-066X.39.10.1123.
- Malbois F., 'Doing Digital Ethnography. Some Reflections on What It Means to Study Society through the Internet', *Bulletin de la Société suisse de sociologie*, 2021, no. 159, pp. 9–14.
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X., *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016, XXIV+262 pp.
- Müller C., 'Online Communities im Internet', *Sozialwissenschaften und Berufspraxis*, 2002, Bd. 25, Nr. 4, S. 353–364.
- Nardi B. A., *My Life as a Night Elf Priest: An Anthropological Account of World of Warcraft*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2010, 236 pp.
- Postill J., 'Remote Ethnography: Studying Culture from Afar', Hjorth L., Horst H., Galloway A., Bell G. (eds), *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York: Routledge, 2017, pp. 61–69.
- Rheingold H., *Virtuelle Gemeinschaft: Soziale Beziehungen im Zeitalter des Computers*. Bonn: Addison-Wesley, 1994, 392 S.
- Turkle S., *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. New York: Simon and Schuster, 1984, 362 pp.
- Van Gelder L., 'The Strange Case of the Electronic Lover', Dunlop C., Kling R. (eds), *Computerization and Controversy: Value Conflicts and Social Choices*. Boston, MA: Academic Press, 1991, pp. 364–375.
- Zani B., 'Shall WeChat? Switching between Online and Offline Ethnography', *Bulletin of Sociological Methodology / Bulletin de Méthodologie Sociologique*, 2021, vol. 152, no. 1, pp. 52–75. doi: 10.1177/07591063211040229.